

Кузьмина-Караваева, Е.Ю. Наше время еще не разгадано... / Е. Кузьмина-Караваева. - Томск: Водолей, 2000. - 160с.

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, легендарная мать Мария (1891-1945), - одно из выдающихся имен в истории литературы русского Серебряного века. В книгу вошли изданные в начале века книги стихотворений «Скифские черепки» и «Руфь».

И. С. Тургенев однажды написал: «... И когда переведутся такие люди, пускай закроется навсегда книга истории! В ней нечего будет читать». Знаменитый писатель не имел чести быть знакомым с Елизаветой Юрьевной Кузьминой-Караваевой, но он отлично представлял себе психологический тип человека, который в обычной жизни всегда стремится найти особенный смысл. Лишь немногие решаются разорвать привычную нить мирского существования, но даже для этих избранных душевный путь к крестному подвигу лежит через сомнения. Наша героиня, больше известная под именем Матери Марии, пришла к подвижничеству лишь к концу жизни, но по-другому, и быть не могло, судя по её биографии.

Елизавета Юрьевна Кузьмина – Караваева, легендарная Мать Мария (1891-1945), выдающийся поэт в истории литературы русского Серебряного века. В то же время её подвиг на ниве благотворения, ее участие во Французском Сопротивлении и героическая гибель в фашистском концлагере нередко заслоняют от нас поэта.

Происходила Лиза Пиленко (девичья фамилия Кузьминой-Караваевой) из обыкновенной дворянской, интеллигентной семьи, глава которой кочевал по России,

находясь на службе отечеству. Дед Елизаветы – полковник Дмитрий Васильевич Пиленко был первым начальником Черноморского округа, до этого занимал должность начальника штаба Кубанского казачьего войска. С назначением Пиленко началось активное благоустройство края, чему Дмитрий Васильевич отдаёт все силы и знания. По его проектам застраивались Новороссийск, Анапа. За заслуги ему было пожаловано две с половиной тысячи десятин земли, больше половины которой он отдал переселенцам, основавшим село Пиленково.

Отец Лизы - известный на Юге России агроном – винодел. Родился в Новороссийске. Юрист по образованию, после смерти отца переехал в Анапу, где был мировым судьёй, затем смотрителем местного училища. Занимался виноградарством и виноделием. Вина семьи Пиленко на Всероссийской выставке в Гаграх в 1906 году заняли 1-е место, удостоены дипломом первой степени. С 1905 года по 1906 год Пиленко - директор Никитского ботанического сада.

Ну, а Лиза родилась в Риге, но вскоре семья переехала в Анапу, глухой захолустный городок, где для девочки в небольшом отцовском имении открылся целый сказочный мир – за длинными рядами виноградников высились древние курганы. Здесь Лиза часами наблюдала за археологическими раскопками. Впечатлительная девочка, почитательница Лермонтова и Бальмонта, увиденное слагала в стихи.

В 1902 году 11 летняя Лиза приехала в Новороссийск для поступления в женскую гимназию. Центральная улица, на которой стояло новенькое здание женской гимназии, называлась тогда Вильяминовская (теперь улица революции 1905 года, дом № 33).

Когда-то прежде, в 60-х годах 19 века, на Вельяминовский в казенном доме проживали дедушка, бабушка и отец Лизы. Дед Лизы- генерал Дмитрий Васильевич Пиленко- управлял Черноморским округом, возрождал Новороссийск, Анапу после Крымской войны. Бабушка- Надежда Борисовна Пиленко - оставила у новоросийцев добрую память о себе, открыв первую в городе школу для девочек.

И вот теперь внучка знаменитых Пиленко в сопровождении матери- Софьи Борисовны Пиленко, урожденной Делоне, и домашней учительницы Марии Николаевны пришла в гимназию держать вступительный экзамен.

Лиза Пиленко гордилась своей родословной. Ей нравилось имя Елизавета. И хотя оно означает «почитающая Бога», девочка не была сильно набожной. Она росла свободной, бойкой и шаловливой непоседой. Этаким чертенком в юбке.

Безукоризненные ответы Лизы на экзамене, ее вдохновенная декламация стихов Лермонтова — все это понравилось строгой начальнице гимназии, и она приоткрыла дверь своего кабинета: пусть мать и гувернантка послушают и гордятся своей девочкой.

За два года учебы в Новороссийске Лиза вдоволь насмотрелась на корабли. Не раз голубая даль за маяком Дооб манила её в невиданные страны. Так бы и пошла по морю пешком!

В мае 1909 года Лиза окончила гимназию с серебряной медалью и поступила на философское отделение историко -филологического факультета Бестужевских курсов.

Писать стихи Лиза начала еще в гимназии. С детства её любимыми поэтами были М. Ю. Лермонтов, К. Бальмонт. Позже – А. Блок.

Неожиданно для окружающих в феврале 1910 года, она вышла замуж за эстетствующего юриста Д. В. Кузьмина – Караваева. Муж её был связан с многими литераторами столицы.

Детскую окрыленность, парусность души Елизавета Юрьевна сохранит до конца своей многострадальной жизни. Став в последствии в Париже монахиней Матерью Марией, она скажет: «Есть два способа жить совершенно законно и прочно ходить по суше – мерить, взвешивать, предвидеть. Но можно ходить по водам. Тогда нельзя мерить и предвидеть, а надо только всё время верить. Мгновение безверия и начинаешь тонуть».

В революционный период Елизавета Юрьевна вступает в партию эсеров. Наша героиня, даже какой - то период возглавляла городскую мэрию Анапы. В апреле 1918 года

неисповедимые «пути господни» приводят Кузьмину- Караваяву в Москву, где она принимает участие в акциях против большевиков. В Анапе же, куда она возвращается в октябре этого же года, её арестовывают добровольцы из белой армии, потому что для них её взгляды слишком «левые». Словом, идет нормальная революционная катавасия.

От смерти её спас председатель военно-окружного суда Д.Е. Скобцов. По-видимому, в пылу этих жарких лет у Лизы накопилась усталость, да и на пути её в самый тяжёлый момент испытаний появился человек, на которого она могла бы опереться. Она вместе с дочерью Гаяне, мамой - Софьей Борисовной и Скобцовым уезжает в эмиграцию.

И вот она в последний раз взглянула на мир, с которым расставалась. От Новороссийского порта отчалил теплоход. С его палубы Елизавета Юрьевна смотрела на меловые горы, за которыми скрывалась её родная земля.

Всё дальше уходила земля и всё ближе та новая жизнь – жизнь скиталицы. В которой с такой силой повторится то, что она пророчески однажды написала в своём стихотворении, которое сложилось здесь, на юге.

Я силу много раз ещё утрачу,
И вновь умру, и я воскресну вновь,
Переживу потерю, неудачу,
Рожденье, смерть, любовь.
И каждый раз, в свершенья круг вступая,
Я буду помнить о тебе земля,
Всех спутников случайных,
степь без края, движение стебля....

Из Новороссийска на переполненном теплоходе, семья попадает в Тифлис. Здесь у неё рождается сын Юрий. В Константинополе Елизавета Юрьевна и Скобцов вступают в законный брак. Из Константинополя Скобцовы перебрались в Югославию. Здесь у них родилась дочка Настя. С большим трудом летом 1922 года семья перебирается во Францию, в Париж.

Оказавшись в эмиграции, Елизавета Юрьевна ужаснулась той нищете, в которую попали русские люди:

«Здесь воронка к самой преисподней,
Скат крутой до горестного ада...»

Новая жизнь в чужой стране, да ещё с тремя детьми, оказалась нелёгкой. Елизавета Юрьевна, как многие эмигрантки, подрабатывала шитьём да изготовлением кукол, муж нашел место таксиста.

Денег не хватало. Но жизнь впроголодь не самое страшное для поэтессы. Она остро переживает оторванность от Родины, от России. Вскоре умерла Настя. После кончины дочери в душе Елизаветы Юрьевны произошел перелом. Сама она рассказывала об этом периоде жизни так: «Я вернулась с кладбища другим человеком... Я увидела перед собой новую дорогу и новый смысл жизни, быть матерью всех, всех, кто нуждается в материнской помощи, охране, защите. Остальное уже второстепенно».

- И я вместила много: трижды мать,
Рождала в жизнь
и трижды в смерть рождала...
(А хоронить детей как умирать),
Копала землю и стихи писала,
С моим народом вместе шла на бунт,
В восстании всеобщем восставала.
Я много вижу, я везде бывала.
Я знаю честь. Я знаю и плевки,
И клеветы губительное жало,

И шепот, и враждебные кивки.

В 1923 году, в Париже, в русской эмигрантской среде, создаётся благотворительная организация «Православное дело». Члены которой спасают от голода и болезней, от пьянства и растления, от денационализации русских людей. Организация просуществовала до конца жизни Матери Марии.

В 1932 году Елизавета Юрьевна становится Матерью Марией – монашество в миру. Под этим именем её вскоре будет знать вся Франция. Активное продолжение благотворительной деятельности. Всеобъемлющее материнство.

«... И только одного мне жаль,
Что сердце мира не вмещает...»

Перед второй мировой войной в Париже заговорили о Матери Марии. Это была странная монахиня, может быть, самая странная из когда-либо существовавших монахинь. Она умела столярничать, плотничать, малярничать, шить, вышивать, писать иконы, мыть полы, стряпать, стучать на машинке, доить коров, она любила физический труд, ей были неприятны белоручки, она ненавидела комфорт – материальный и духовный, - могла сутками не спать, не есть, отрицала усталость, любила опасность. Елизавета Юрьевна вела жизнь суровую, деятельную: начала с того, что открыла на деньги собранные по Парижу, небольшое общежитие и столовую для безработных на улице Вилла де Сакс, а кончила тем, что на собственный страх и риск сняла большой дом на улице Лурмель,77, который стал родным для сотен и тысяч обездоленных, голодающих, одиноких во французской столице. И только одна у неё была слабость – стихи, которые она продолжала писать. Часто читала стихи Блока, любовь к которому пронесла через всю жизнь.

А судьба била эту женщину безжалостно. Летом 1935 года её дочь Гаяне, убеждённая коммунистка, не мыслившая себе жизни без России, вернулась на Родину. В этом ей помог Алексей Толстой, который в том году был в Париже на первом Международном конгрессе писателей в защиту культуры. В Москве Гаяне умерла от дизентерии меньше, чем через два года.

События развивались быстрее чем ожидали, - Мать Мария оказалась в покорённом фашистами Париже. Дом на Лурмель,77 стал одним из штабов Сопrotивления. Те обездоленные, голодные, обиженные жизнью, были опасной силой для фашистов.

И высокая, статная, уже стареющая женщина с круглым добрым лицом, в черном платье, еще раз увидела смысл жизни в том, чтобы добро стало делом, на этот раз рискованным, пахнущим порохом и застенками, - ушла с головой в подпольную работу.

Лурмельский комитет был важным центром антифашистской деятельности в Париже.

Он передавал посылки, деньги, подложные документы заключённым, устраивал побег, ловил по радио и распространял советские новости. В доме на Лурмель,77, скрывались русские, евреи и коммунисты. В 1943 году в нём жили два бежавших из плена советских солдат. Душой лурмельского комитета была мать Мария.

В феврале 1943 года её вместе с сыном Юрием арестовало гестапо. Восемнадцатилетнего Юру отправили в Бухенвальд, где он погиб через несколько месяцев. Её в Равенсбрюк...

Существует несколько версий её гибели, каждая из которых похожа на легенду. По одной из них, самой распространенной, 31 марта 1945 года, когда освобождение было уже близко, мать Мария пошла в газовую камеру вместо отобранной фашистами советской девушки. Она обменялась с ней курткой и номером, немногословно объяснив: «Я уже стара, а у тебя вся жизнь...»

Каким определением следует называть явление нам Матери Марии, которой было «... жаль, что сердце мира не вмещает...», хотя это сердце вместило любовь ко всем людям покорённой фашистами Европы к родной России?

Каким монументом увековечить это её человеческое сердце, выдержавшее нечеловеческие страдания на её жизненном пути?

16 января 2004 года Священный Синод Константинопольской Православной Церкви канонизировал монахиню Марию (Е. Ю. Скобцову, в девичестве Пиленко), причислив её к лику святых.

Вместе с ней канонизированы её сын Юрий и священник Дмитрий Клепинин, ближайшие помощники Материи Марии.

Ведь, «О чем и как ни думай, большего не создать, чем три слова: «Любите друг друга» (Мать Мария)